

Великий друг актера

А. Н. ОСТРОВСКИЙ.

Сто лет назад в Донбасс приехал замечательный русский актер Николай Хрисанфович Рыбаков. После театрального сезона в Харькове он играл в Таганроге, потом переехал в Мариуполь.

Мариупольская публика восторженно встретила прославленного артиста. Перестроенный из амбара деревянный театр на Большой улице был переполнен. Все с нетерпением ожидали выхода на сцену популярного мастера провинциального театра.

Мариупольцы знали, что Рыбаков — не только выдающийся трагик, но и самый оригинальный «смешило», как он сам себя называл. И когда на сцену вышел любимый актер, зрители встретили его дружным веселым смехом.

Но первые же слова Рыбакова удивили публику. Они были так необычны и так не похожи на комедию, что заставляли насторожиться, внимательно глядеть на то, что делалось на сцене, и... думать. А это было то, к чему еще не привыкла театральная публика. Гневные обличительные слова бросал актер в публику — вызов сытым, неразмывленным, погруженным в сон мариупольским собственникам, живущим по дедовским обычаям.

И когда Любим Карпыч Торцов, которого играл Рыбаков, произнес:

— Хорошо тому на свете жить, у кого нету стыда в глазах! О, люди, люди! Любим Торцов пьяница, а лучше вас! Шире дорогу — Любим Торцов идет!..

Только тогда зрители поняли, что перед ними не привычный комедиант провинциального театра, забавник трактирных завсегдатаев, лишенный достоинства и чести пропойца и фигляр, а гневный обличитель и большой мастер-художник, и что скоро безвозвратно уйдет со сцены то время, когда сытая публика кидает актерам кошельки с мелочью, а актрис зовут полуименами, как цыганок: Натя, Надя, Маруся.

На смену ходульным героям ложноклассических трагедий или выдуманным персонажам водевилей и фарсов появился образ живого русского человека, со всеми его достоинствами и недостатками. В нем зритель явственно ощутил патриота, любящего свою родину, свой народ, бичующего зло и порок, скорбящего о темноте и невежестве окружающего его темного царства.

И трагический образ героя пьесы Любима Торцова, который «сел, как рак на мели... стал по городу скоморохом ходить, по копейке собирать, шута из себя разыгрывать... жил в просторной квартире между небом и землей, ни с боков, ни сверху нет ничего», постепенно, акт за актом, полюбила публика, она ему сочувствовала и в его речах слышала голос протеста против существующего порядка вещей.

Успех первой постановки новой пьесы почти неизвестного зрителям молодого драматурга Островского «Бедность — не порок» под конец спектакля стал чрезвычайным. Многие узнавали в Гордее Торцове именитых купцов Мариуполя, сравнивали их с Чебаненко и Поповым, Пичахчи и Приходько.

Бурio аплодисментов вызвали слова: «Я не чисто одет, так у меня на совести чисто. Я не Коршунов: я бедных не грабил, чужого веку не заедал, жены ревностью не замучил. Меня гонят, а он первый гость, его в передний угол сажают... Хорошо тому на свете жить, у кого нету стыда в глазах!..»

Публика долго и восторженно вызывала любимого артиста.

В декабре 1870 года А. Н. Островский окончил комедию «Лес». Этой пьесой великий драматург начал цикл пьес об актерах: «Комик XVII столетия», «Таланты и поклонники», «Без вины виноватые». В них он ярко раскрыл бесправное и зависимое положение тружеников сцены в старом буржуазном обществе и показал огромное воспитательное значение театра.

Друг и заступник русского актерства Островский, как никто из его современников, понял душу артиста и сумел запечатлеть на века живые типы и бескорыстную любовь к искусству таких лучших представителей театрального мира, как Несчастливцев и Незнамов, Кручинина и Негина.

Крупнейший русский драматург-демократ всегда терпеливо и внимательно относился к актерам, искренне любил их мастерство, понимал их нужды и горести, видел в какой бесправной и унижительной зависимости находились они от произвола равнодушных и тупоумных

театральных чиновников, ценивших не дарование, а лесть и искательство. Он всячески стремился поднять уважение к актеру, к его человеческому достоинству.

Глубоко проник творец отечественной драматургии в духовный мир бродячих «комедиантов» и образно показал, что даже Аркашка Счастливцев, которого, когда везли в Архангельск в тридцатиградусный мороз, «в большой ковер закатавали: привезут на станцию, раскатают, а в повозку садиться, опять закатают», — и тот нравственно выше и чище, гуманнее и честнее тех, кто считал себя «порядочными людьми».

«Лес» был задуман автором как проникновенная повесть о героизме русского провинциального актерства, а роль Несчастливцева, — как подлинный апофеоз странствующих актеров-подвижников.

И в своей ремарке к пьесе он коротко, но метко сказал:

«Геннадий Несчастливцев и Аркадий Счастливцев — дешие путешественники»...

— В последний раз в Лебедяни играл я Велазария, сам Николай Хрисанфыч Рыбаков смотрел. Кончил я последнюю сцену, выхожу за кулисы, Николай Рыбаков тут... Так вот, подходит ко мне Рыбаков, сам Николай Хрисанфыч Рыбаков! Положил он мне руку на плечо: «Ты, говорит... да я говорит... умрем, говорит». Лестно...

Так в незабываемом образе произносящего эти слова провинциального трагика Геннадия Демьяновича Несчастливцева А. Н. Островский вывел в «Лесе» своего друга — выдающегося русского актера Н. Х. Рыбакова, имя которого пятьдесят лет гремело по России.

Н. Х. РЫБАКОВ.

Крылатая молва издавна накрепко спаяла между собой эти два славных имени: реальное, но ставшее с годами легендарным имя Николая Рыбакова, и созданное гением Островского и поныне живущее на сцене имя Геннадия Несчастливцева.

И в этих двух образах сохранилась их кровная близость.

(Окончание на 4-й стр.)

Великий друг актера

(Окончание).

Театр для Рыбакова, как и для Несчастливцева — не место праздного времяпрепровождения и источник добывания легких доходов. Как и Рыбаков, Несчастливцев — заступник товарищей, неизменно помогающий им советом, участием, а если может, и кошельком. Как и Рыбаков, он — горячий заступник обиженных и угнетенных, смело и открыто восстававший против притеснителей-антрепренеров и именитых «отцов города». Оба они: Рыбаков и Несчастливцев — реальный актер и его образ — на многие годы остались обобщением лучших чаяний русского актера.

И навсегда сохранили актеры благодарную память о создателе «Леса» — А. Н. Островском и навечно запомнили фразу, которую он вложил в уста Несчастливцева — Рыбакова:

— Комедианты? Нет, мы — артисты, благородные артисты, а комедианты — вы. Мы, коли любим, так уж любим; коли не любим, так ссоримся или деремся; коли помогаем, так уж последним трудовым грошом. А вы? Вы всю жизнь толкуете о благе человечества, о любви к человечеству. А что вы сделали? Кого накормили? Кого утешили?

Во время гастролей в Москве итальянского трагика Томмазо Сальвини на одном из спектаклей присутствовал А. Н. Островский.

В антракте Островский сказал соседям:

— Вот что значит быть иностранцем. Весь мир знает Сальвини, а Рыбакова — только Россия...

И в этих словах прозвучали не только возмущение теми, кто сознательно замалчивал и умалял одного из лучших представителей русской сцены, но и законная гордость: Островский гордился тем, что родное искусство имело таких актеров, как его друг — Николай Рыбаков...

Александр Николаевич жаждал увидеть постановку своей комедии «Лес». Он хотел посмотреть на сцене прообраз созданной им роли провинциального трагика Несчастливцева — Николая Хрисанфовича, услышать из уст самого Рыбакова фразу о себе самом.

Обычно Рыбаков из скромности заменял в тексте свое имя именем украинского трагика Корнея Полтавцева. Впервые он упомянул свое имя лишь на своем юбилейном спектакле.

И в тот момент, когда Рыбаков дошел до знаменитых слов о «самом Николае Хрисанфыче Рыбакове», он на минуту за-

мнулся. И тогда из ложи дирекции вдруг раздался тихий, но внятный голос Островского:

— Играй по тексту!

В этот день Рыбаков впервые произнес со сцены принадлежащие ему по праву слова своего двойника — Несчастливцева. Он знал, что его никто не осудит — в ложе сидел и ему подсказал «сам Александр Николаевич Островский».

Блестящий художник сцены Н. Х. Рыбаков умер восемьдесят лет назад — в 1876 году. Последние слова, сказанные им перед кончиной, были о молодежи:

— Пора! Птенцы уже подросли и сами летают!

А. Н. Островский и сам был лучшим другом театральной молодежи. Он смело выдвигал в своих пьесах талантливых юных артистов, давал им лучшие роли. И молодежь обожала Островского. Они были уверены, что никто не будет с такой настойчивостью защищать их художественные и материальные интересы, никто не сумеет так чутко и умело помочь им, робко начинавшим свои актерские шаги.

Первый представитель народного театра, как назвал Островского П. М. Садовский, всегда увлекался всем молодым,

горячим, талантливым. А ведь среди тех, кому он помог своим советом и ролью, были еще такие неизвестные юные имена: Давыдов, Варламов и Музиль, Стрепетова, Савина и Комиссаржевская...

Поистине народные пьесы А. Н. Островского, в том числе и пьесы об актерах, все так же свежи и сценически юны. И сейчас, спустя 70 лет после смерти великого драматурга, все так же волнует сердца молодых зрителей судьба «пеших путешественников» Геннадия Несчастливцева и Аркашии Счастливецца, все так же горячо принимается на сцене «бродяга, не помнящий родства» — озлобленный и одинокий юноша Григорий Незнамов, который и груб и часто несправедлив потому, что его гневную, самолюбивую молодость возмущают пошлость и неискренность русской провинции, горечь нищеты и несправедливости.

Попрежнему обожают молодую одаренную актрису Негину («Таланты и поклонники»), вынужденную во имя беззаветной любви к искусству принять предложение миллионера Великатова и, отдав свои душевные силы и свою жизнь творчеству, покинуть любящего ее студента Мелузова.

И попрежнему светел восхитительный образ самоотверженной и благородной женщины — русской драматической актрисы Кручинной, хорошего человека, который не погиб, не

попятился, а нашел свой прямой и честный путь в жизни.

Эти образы А. Н. Островского стали любимыми ролями в репертуаре советских актеров, заветной мечтой каждого молодого артиста.

Говорят, нет плохих ролей, а есть плохие актеры. В этом большая доля истины. Но, все же хорошая роль — всегда лучше. И так же мечтает каждая молодая актриса попробовать свои силы в роли актрисы Негинной и пленять публику, как некогда пленяла В. Ф. Комиссаржевская. И снова тайком учит молодой актер роль актера Незнамова, чтобы сыграть ее, как играл А. А. Остужев.

А актер, не год и не два ходящий по сцене, еще ждет того заветного дня, когда и ему вручат не тоненький листик «без выточки», а солидную тетрадь, на которой будет написано: «Роль актера Геннадия Несчастливцева...»

Старые театральные режиссеры ранее говорили:

— Помните, что талант состоит из двух частей: воображения и темперамента!

А какой же это актер, если у него не хватает воображения и нет темперамента добывать своей мечты: сыграть любимую роль в пьесе великого друга актеров Александра Николаевича Островского?

Я. КОВАЛЬ.